



МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

**«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
Кафедра зарубежной филологии и прикладных коммуникаций
ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

На тему «Особенности перевода метафор в романе У. Голдинга «Шпиль»

Исполнитель _____ Суптельная Екатерина Андреевна _____

(фамилия, имя, отчество)

Руководитель _____ к.ф.н, доцент _____

(ученая степень, ученое звание)

_____ Родичева Анна Анатольевна _____

(фамилия, имя, отчество)

«К защите допускаю»

И.о. заведующего кафедрой _____ 

_____ к.ф.н., доцент _____

(ученая степень, ученое звание)

_____ Родичева Анна Анатольевна _____

«20» июня 2025г.

Санкт-Петербург

2025

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Теоретические основы изучения метафоры	5
1.1. Метафора как объект изучения лингвистики	5
1.1.1. Подходы к определению метафоры	5
1.1.2. Классификации метафор (по Дж. Лакоффу и М. Джонсону, по Н. Д. Арутюновой)	8
1.2. Лингвистическое своеобразие метафор	11
1.2.1. Грамматические характеристики метафоры	11
1.2.2. Лексические свойства метафоры	12
1.2.3. Синтаксические особенности метафор	13
1.3. Теоретические основы перевода метафор	14
1.3.1. Отличительные особенности перевода метафор	14
1.3.2. Способы перевода по Т.А. Казаковой и переводческие трансформации по В. Н. Комиссарову	16
Выводы по Главе 1	19
Глава 2. Особенности перевода метафор в произведении У. Голдинга «Шпиль»	22
2.1. Анализ метафор в романе «Шпиль» по классификации метафор Дж. Лакоффу и М. Джонсону	22
2.1.1. Особенности перевода структурных метафор	22
2.1.2. Особенности перевода ориентационных метафор	26
2.1.3. Особенности перевода онтологических метафор	30
2.2. Анализ метафор в романе «Шпиль» по классификации метафор Н. Д. Арутюновой	34
2.2.1. Особенности перевода номинативных метафор	34
2.2.2. Особенности перевода образных метафор	38
2.2.3. Особенности перевода когнитивных метафор	42
2.2.4. Особенности перевода генерализующих метафор	46
Выводы по Главе 2	50
Заключение	52
Список литературы	54

Введение

Актуальность данной выпускной квалификационной работы проявляется в недостаточной исследованности особенностей перевода метафор в произведении У. Голдинга «Шпиль». Т. Бойл раскрыл влияние экзистенциализма на творчество У. Голдинга, проводя сравнительный анализ работ английского писателя и художественных произведений А. Камю, Ж. П. Сартра и П. Тиллиха. Ю. А. Шанина и А. А. Федоров исследуют категорию божественного в творчестве У. Голдинга. Д. А. Ефимова изучает библейские мотивы в произведениях «Шпиль» и «Повелитель мух». Однако исследования в области перевода метафор в романе «Шпиль» не проводились.

Целью данной выпускной квалификационной работы является анализ особенностей метафор в произведении У. Голдинга «Шпиль» с точки зрения использованных переводческих трансформаций и выбранного способа перевода.

Задачи исследования сформулированы следующим образом:

- 1) Проанализировать различные подходы к определению и классификации метафор;
- 2) Охарактеризовать основные способы перевода метафор и переводческие трансформации;
- 3) Распределить исследуемые метафоры, в виду характерных особенностей, по классификациям Дж. Лакоффа, М. Джонсона и Н. Д. Арутюновой;
- 4) Выявить типологические особенности перевода различных видов метафор

Объектом исследования служит метафора, ее функционирование в художественном тексте.

Предметом исследования выступают особенности перевода метафор.

Материалом произведения служат 105 метафор, отобранные из романа У. Голдинга «Шпиль».

В исследовании использовались такие **методы**, как метод сплошной выборки при отборе метафор, а также метод сопоставительного анализа.

Практическая значимость данной выпускной квалификационной работы заключается в возможности использовать материалы исследования студентами

при подготовке к практическим занятиям по дисциплинам «Стилистика», «История мировой литературы», «История английской литературы».

Работа состоит из введения, главы 1, главы 2, заключения и списка литературы. Выпускная квалификационная работа занимает 60 страниц. Список литературы состоит из 63 пунктов.

В введении нами определены актуальность, цели, задачи, методы исследования, практическая значимость и структура работы. В главе 1 нами были рассмотрены теоретические основы метафоры, способы полного перевода по Т. А. Казаковой и переводческие трансформации, используемые при переводе метафор.

В главе 2 исследуемые 105 метафор были распределены, согласно классификациям Дж. Лакоффа, М. Джонсона и Н. Д. Арутюновой. Затем нами был проанализирован перевод каждого типа метафор. Нами были рассмотрены способ перевода и использованная переводческая трансформация. На основании данного анализа были сделаны выводы о характерных способах перевода и переводческих трансформациях для того или иного типа метафор в произведении «Шпиль».

В заключении нами были подведены итоги работы и выявлены наиболее часто используемые способы перевода и переводческие трансформации при переводе 105 метафор, обнаруженных в произведении У. Голдинга «Шпиль».

Глава 1. Теоретические основы изучения метафоры

1.1. Метафора как объект изучения лингвистики

В данной части работы мы рассмотрим метафору как объект изучения лингвистики, в том числе изучим господствующие подходы к ее определению в разные времена и основные классификации метафоры.

1.1.1. Подходы к определению метафоры

Интерес к определению метафоры появился еще в Античные времена. В классической риторике метафора представляла собой отклонение от нормы, с целью переноса имени одного предмета на другой. Философы и риторики старались избегать метафор, потому они использовались как эквивалент для лексической единицы, которую нельзя выразить словом в прямом смысле и показывали недостаточное мастерство говорящего.

Аристотель предлагает следующее определение метафоры: «Метафора – перенесение слова с изменённым значением из рода в вид, или из вида в род, или по аналогии» [3, с. 66]. В данном определении автор подчеркивает вторичность метафорического значения по отношению к первичному. Однако то, что Аристотель называет переносом из рода в вид и из вида в род в современной науке относят к метонимии. Метонимия и метафора, по мнению исследователей, имеют как сходства, так и важные отличия.

Л. В. Балашова отмечает две характеристики, общие как для метафоры, так и для метонимии: «производность», «связь» между первичным и вторичным значением и «перенос», т. е. «семантическое движение», обнаруживаемое при формировании метафорического и метонимического (включая синекдоху) значений» [5, с. 171]. Говоря о различиях, исследовательница отмечает, что «метонимический перенос ... осуществляется на базе объективных связей между явлениями» в то время, как метафора раскрывает неожиданные, новые, субъективные связи [5, с. 171].

Подчеркивая данную особенность метафоры, М. Блэк раскрывает её демиургическую функцию и утверждает, что она не средство отражения связи явлений, а их создатель: «В ряде случаев было бы правильнее говорить, что

метафора именно создает, а не выражает сходство» [8, с. 162]. Другим важным отличием метафоры от метонимии заключается в том, что «метонимический перенос осуществляется в рамках единой ситуации ... Метафорический перенос связывает две качественно, категориально различные ситуации» [5, с. 171].

М. Блэк выделяет важную функцию метафоры, утверждая, что она восполняет пробелы в языке, которые нельзя заполнить словами в прямом смысле. Такое явление он называет катакресисом [46, р. 280]. Блэк убежден, что катакресисы часто со временем перестают восприниматься как метафоры и приобретают прямое значение. К примеру, "orange" раньше являлось катакресой на основе цвета фрукта, а в современном английском является буквальным обозначением апельсина.

Со временем отношение к метафоре изменилось. Ф. Ницше заявляет о важности этого средства выразительности. Метафоры, по мнению Ф. Ницше, являются самыми эффективными, естественными, точными и простыми средствами языка [34, с. 390].

В современной филологии существует множество подходов к определению метафоры. Наиболее общепринятым определением метафоры в современном языкознании является термин, сформулированный О. И. Глазуновой: «Метафора (метафорическая модель) – уподобление одного явления другому на основе семантической близости состояний, свойств, действий, характеризующих эти явления, в результате которого слова (словосочетания, предложения), предназначенные для обозначения одних объектов (ситуаций) действительности, употребляются для наименования других объектов (ситуаций) на основании условного тождества приписываемых им предикативных признаков» [13, с. 177-178].

Исследователь Дж. Штерн придерживается семантико-прагматического подхода к определению метафоры. По его мнению, метафора состоит из двух взаимосвязанных уровней – уровня содержания и уровня характера.

Исследовательница Эмма Борг так же считает, что одного семантического знания недостаточно для понимания метафоры, но обращает внимание на

важность не прагматики, а психологии. Семантическое знание она определяет как «знание условий, при которых предложение является истинным» [47, с. 241].

Существует так же буквальное понимание метафоры. К примеру, Д. Дэвидсон выдвигал теорию о том, что метафора обладает лишь своим прямым словарным значением, и именно личность истолкователя определяет метафорическое значение образа [16, с. 174].

Исследователи Дж. Лакофф и М. Джонсон придерживаются когнитивного подхода, полагая, что все метафоры по своей природе концептуальны, так как «общие принципы понимания, скорее, опираются на целые системы концептов, чем отдельные слова или отдельные понятия» [29, с. 148]. Дж. Лакофф и М. Джонсон утверждают, что «когнитивные метафоры» - это «устойчивые соответствия между областью источника и областью цели, фиксированные в языковой и культурной традиции данного общества» [29, с. 32].

Согласно исследователям, основу метафоры составляют два концептуальных домена – сфера-источник (source domain) и сфера-мишень (target domain). Элементы сферы-источника являются более простыми концептами, понятными человеку и общепринятыми в определенной культуре, в то время как элементы сферы-мишени, основываясь на сфере-источнике, создают более сложный концепт и осмысливаются на базе сферы-источника. [29, с. 12]. Под процессом концептуализации понимается переход некоего понятия в «эмпирический гештальт», которые представляет собой «внутренне согласованные способы организации опыта в терминах естественных измерений (частей, этапов, причин и т.п.)» [29, с. 149].

Так же, как и Дж. Лакофф, Э. Будаев отмечает, что «положение о том, что субъект склонен реагировать не на реальность, а скорее на собственные когнитивные репрезентации реальности, приводит к выводу, что и поведение человека непосредственно определяется не столько объективной реальностью, сколько системой репрезентации человека. Из этого следует, что выводы, которые мы делаем на основе метафорического мышления, могут формировать основу для действий» [9, с. 19].

1.1.2. Классификации метафор (по Дж. Лакоффу и М. Джонсону, по Н. Д. Арутюновой)

Дж. Лакофф и М. Джонсон предлагают свою классификацию метафор, подразделяя ее на три вида: структурную, ориентационную и онтологическую.

Авторы называют структурными метафорами – «случаи, когда один концепт метафорически структурирован в терминах другого» [29, с. 35]. Примерами структурных метафор служат такие предложения, как «Время – это деньги», «Спор – это война», «Жизнь – это путешествие», где «время», «спор», «жизнь» являются сферой-источником, а «деньги», «война», «путешествие» – сферой-мишенью [29, с. 9]. На основе метафорического концепта «Time is money» («Время – деньги»), появляются метафоры «to waste one's time» – «тратить время», «to run out of time» – «время заканчивается», «to budget one's time» – «экономить время».

К ориентационным метафорам, по мнению исследователей, относятся те метафоры, которые структурируют не «один концепт в терминах другого, а ... целую систему концептов относительно другой системы» [29, с. 35]. Название этого вида метафор отражает их особенность – они связаны с ориентацией в пространстве: «верх—низ», «внутри—снаружи», «передняя сторона — задняя сторона», «на поверхности — с поверхности», «глубокий—мелкий», «центральный—периферийный» [29, с. 35]. На базе пространственных представлений появляются такие метафоры, как «to feel up» – «быть на вершине блаженства», «to feel down» – «быть расстроенным» и метафоры, связанные с глаголами, обозначающими движения: «to boost someone's spirits» – «поднять настроение», «to fell into depression» – «впасть в депрессию».

К онтологическим метафорам, согласно Дж. Лакоффу и М. Джонсону, относятся те метафоры, в которых «события, деятельности, эмоции, идеи и т. п.» воспринимаются как отражение «материальных сущностей и веществ» [29, с. 49]. Авторы приводят пример отождествления инфляции с человеком: «to combat inflation», «to deal with inflation» – «бороться с инфляцией», «inflation is taking its toll» – «инфляция наносит урон». К онтологическим метафорам относятся

метафоры-вместилища, которые, в свою очередь, подразделяются на метафоры пространства, поля зрения, а также метафоры события, действия, занятия и состояния. В первом случае пространство является вместилищем: «There's land in Kansas» – «В Канзасе много земли». Также происходит концептуализация поля зрения как вместилища и видимых объектов – как содержимого внутри него: «The ship is coming into the view» – «Корабль появляется в поле зрения». Авторы утверждают, что «бытия и действия метафорически концептуализируются как объекты, занятия как вещества, состояния как контейнеры»: «Did you see the race?» (забег как объект). – «Ты видел забег?»; «The finish of the race was really exciting» (финиш как объект-событие внутри объекта-вместилища). – «Финиш забега был очень впечатляющим» [29, с. 56].

Н. Д. Арутюнова полагает, что выражение предлагает наиболее полную функциональную классификацию метафор, разделяя их на 4 вида: номинативную, образную, когнитивную и генерализующую.

По мнению исследовательницы, номинативная метафора «состоит в замене одного дескриптивного значения другим» [4, с. 366]. Такие метафоры представляют собой «извлечения нового имени из старого лексикона [4, с. 358]. Н. Д. Арутюнова утверждает, что номинативные метафоры почти не выходят «за рамки идентифицирующей лексики» [4, с. 358]. К примеру, лексическая единица «собачка» может означать, как животное в прямом значении, так и застежку на куртке (переносное значение). Таким образом, можно заключить, что номинативные метафоры являются источниками омонимии.

Образная метафора, согласно Н. Д. Арутюновой, – это метафора, «рождающаяся вследствие перехода идентифицирующего (дескриптивного) значения в предикатное и служащая развитию фигуральных значений и синонимических средств языка» [4, с. 366]. Понимание образных метафор субъективно, если со временем ассоциация исчезает, исчезает также и метафора. К примеру, «сорока» в русском языке описывает не только птицу, но и человека, любящего блестящие, золотые вещи.

Когнитивные метафоры образуются «в результате сдвига в сочетаемости предикатных слов (переноса значения)» [4, с. 366]. Когнитивные метафоры появляются, когда свойственные одному классу характеристики используются при описании другого класса предметов. К примеру, прилагательное «острый», в прямом смысле используемое для характеристики колющих предметов, может употребляться в сочетании «острый язык», подчеркивая язвительность человека. Когнитивные метафоры восполняют пробелы в языке, формируя качества объектов, которые нельзя выразить словами, употребленными в буквальном смысле.

Генерализующие метафоры являются «конечным результатом когнитивных метафор» [4, с. 366]. Такие метафоры стирают «в лексическом значении слова границы между логическими порядками», тем самым способствуя возникновению «логической полисемии» [4, с. 366]. Исследовательница приводит следующий пример: «Мысли мои – гонцы, вслед за конем бегут. (Волошин)» [4, с. 363]. Н. Д. Арутюнова полагает, что это выражение можно понимать в трех смыслах: 1) мысли возникают в голове (идея приходит в голову); 2) обозначает путь от человека к предмету, теме его размышлений; 3) выражают цель мыслительного процесса: прийти к истине, поделиться знанием с миром и т.д. Таким образом, подобные метафоры отличаются полисемичностью и склонностью размывать логические связи между словами, благодаря способности соединяться с разнотипными субъектами.

В заключение, в данной части нами было изучено, как менялось отношение к метафорам в течение веков, а также проанализированы различные подходы к определению метафоры в рамках буквального, семантико-прагматического и когнитивного направлений и классификации метафоры, предложенные исследователями Лакоффом и Джонсоном, а также Н. Д. Арутюновой.

1.2. Лингвистическое своеобразие метафор

В данной части работы нами будут рассмотрены различные лингвистические особенности метафор такие, как грамматические, лексические и синтаксические.

1.2.1. Грамматические характеристики метафоры

По мнению И. С. Ильинской, метафора может быть выражена или словом, или словосочетанием [18, с. 86]. Исследователь Ю. Л. Лясота утверждает, что метафора – это «лексико-грамматическое единство нескольких слов, одно из которых метафорическое (полисемантическое) – имеющее наряду с прямым исходным значением не менее постоянное и общепринятое переносное значение». [31, с. 14]. Такое определение подчеркивает важную особенность метафор: слово в переносном значении, окруженное фразой, понимаемой в буквальном смысле, создают метафору. Если убрать из метафорического единства ту или иную часть, либо важные смысловые аспекты, либо вся метафоры будет недоступна для понимания.

Кроме того, следует отметить такую отличительную черту метафоры, как отсутствие опорного контекста. Все компоненты метафорического единства одинаково важны для понимания, даже слова, употребленные в буквальном смысле необходимы для понимания, так как «указывают, что данное метафорическое слово использовано в переносном значении» [31, с. 14].

В языкознании существует термин «грамматическая метафора». Отечественные и зарубежные исследователи дают этому понятию схожие определения. Ученые Н. В. Аксенова и Н. Ю. Осокина предлагают следующую дефиницию: грамматическая метафора – это «перенос грамматической категории из одной сферы употребления в другую с целью создания стилистического эффекта, нового смысла» [1, с. 6].

В научных текстах грамматическая метафора проявляется в сложных существительных (noun compounds) и в номинализации других частей речи, главным образом — прилагательных и глаголов [23, с. 118]. Сложные существительные представляют собой сочетание двух и более английских

существительных, которые в лаконичной форме выражают целое понятие. Примерами могут служить словосочетания, появившиеся в эпоху пандемии: «coronavirus disease pandemic» – «пандемия коронавирусной инфекции»; «COVID-19 disease cases» – «случаи заболевания, вызванные коронавирусом»; – «(to have) a fitness advantage» – «(представлять собой) более устойчивый штамм (коронавируса)». Таким образом, еще одна грамматическая особенность метафоры заключается в способности изменять грамматические функции ее компонентов для создания метафорического единства.

1.2.2. Лексические свойства метафоры

Метафоры обладает рядом лексических особенностей. Важнейшей из них является двойственность метафоры. М. Г. Мукаилова отмечает, что «пристальное рассмотрение метафоры раскрывает двойственность ее сторон: она должна быть одновременно, и понята, и создавать некий новый смысл». [32, с. 28]. Этот признак также отражает основу метафоризации – в результате взаимодействия двух или более явлений возникает новое значение. К примеру, стертая метафора «sweet tooth» («сладкоежка») отражает понятные аспекты «сладкого» и «человека» (метонимически выраженного словом «tooth»). В результате взаимодействия этих двух понятий создается метафора, характеризующая любителя сладкого.

Другой важной лексической особенностью метафоры является то, что при процессе метафоризации одному классу объектов приписываются свойства, характерные для другого. К примеру, прилагательное «quick», характеризующее в прямом смысле скорость движения физических объектов и существ («quick mouse» – «быстрая мышь»), может употребляться для описания скорости мыслительных процессов – «quick mind» («находчивость»).

Кроме того, стоит отметить, что языковая (общеупотребительная) и художественная (индивидуально-авторская) метафоры имеют разные лексические особенности, так как первая является самостоятельной языковой единицей и может употребляться в различных лексических окружениях, в то

время, как вторая – не имеет лексической самостоятельности и всегда зависит от контекста.

1.2.3. Синтаксические особенности метафор

Метафоры обладают также рядом характерных синтаксических особенностей, связанных с их местом в предложении. Рассмотрим наиболее частые синтаксические функции метафоры такие, как роль предиката, согласованного определения и генетивной конструкции.

Часто метафоры и метафорические выступают в роли предиката и описывают некое действие. Исследователь Е. В. Чаплин разделяет метафорические переносы на две группы — зооморфные (звукоподражаний типа «to whine» – «скулить», «to twitter» – «щебетать») и антропоморфные, связанные с каким-либо действием (к примеру, «to throw the words» – «бросаться словами», «to burst out with something» – «разразиться») [44, с. 104]. Он также отмечает, что «особенность описания акта говорения метафоричными глаголами заключается в том, что их значение легко декодируется носителями языка, в отличие от метонимичных глаголов, требующих когнитивной операции». Например, в предложении «Сотрудник музея, историк, образованный человек!» – вдруг *взорвался* он» (Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей, ч. 2, 1964), где репрезентантом акта говорения выступает метафоричный глагол взорваться — не сдержав своего возмущения, выразить его в резкой, категоричной форме [22, с. 103].

Метафора также может выступать в функции согласованного определения. В таком случае она выражена либо именем прилагательным, либо причастием: «And winds are rude in Biscay's sleepless bay» (G. Byron). – «И сильны ветры в бискайских беспокойных водах». Исследовательница В. Ф. Крюкова обращает внимание, что «как одиночные, так и распространенные и обособленные определения, метафоры обладают большими образными возможностями» [25, с. 49].

Метафоры могут быть выражены с помощью генетивных конструкций, «синтаксическая функция которых реализуется тремя группами членов

предикативной единицы: дополнениями (прямыми и косвенными), обстоятельством (в основном места) и подлежащими (группы перечислены в порядке количественного убывания)» [2, с. 49]. Например, в предложении «*She was a child of the church*» («Она была дитём церкви»), метафора «*of the church*» является дополнением, подчеркивающим набожность и религиозность.

Иногда такая особенность метафоры, как синтаксическая неразделимость, не позволяет выделить в ее составе отдельные члены предложения. К примеру метафора «*male ghost*», описывающая в произведении К. Воннегута военнопленного, прилагательное и существительное выступает в качестве единого подлежащего.

Таким образом, нами были рассмотрены три группы лингвистических особенностей метафоры: грамматические, лексические и синтаксические. К грамматическим относятся грамматическое единство, отсутствие опорного контекста и способность слов менять функцию в зависимости от контекста. Лексические особенности выражаются в двойственности метафор и перенесение характерных черт одного объекта на другой. Среди синтаксических особенностей нами были описаны синтаксическая неразделимость метафор и их наиболее характерные функции такие, как предикат, атрибут и генетивная конструкция.

1.3. Теоретические основы перевода метафор

1.3.1. Отличительные особенности перевода метафор

Ньюмарк предлагает следующее определение: перевод – «перевод смысла текста на другой язык в том виде, в каком он был задуман автором» [52, с. 5]. Исследователь Кэтфорд считает, что переводом является «замена текстового материала на одном языке эквивалентным текстовым материалом на другом языке» [48, с. 20]. Основоположник теории перевода А. В. Федоров считает, что «перевести – значит выразить точно и полно средствами одного языка то, что уже выражено средствами другого языка в неразрывном единстве содержания и формы» [40, с. 41]. Комиссаров говорит и перспективах изучения перевода:

«Перевод — это сложное многогранное явление, отдельные аспекты которого могут быть предметом исследования разных наук [20, с. 34].

Отличительной особенностью перевода метафор является то, что в виду своеобразия языков точный перевод метафоры, оказывающий такое же воздействие на читателя, как и оригинал, считается трудной задачей. Исследовательница А.С. Павлова отмечает, что, «несмотря на бурное развитие переводоведения, до сих пор не существует общепринятого списка критериев, позволяющего выносить взвешенную и свободную от субъективных составляющих оценку продукта переводческой деятельности (транслята)» [36, с. 18]. А. В. Федоров полагает, что «полноценность перевода означает исчерпывающую передачу смыслового содержания подлинника и полноценное функционально-стилистическое соответствие ему» [40, с. 127].

Дж. Кэтфорд определяет переводческую эквивалентность («translation equivalence») как адекватность перевода [48, с. 22]. Д. Кенни, пытаясь определить термин «эквивалентность», утверждает о наличии прямой зависимости между вышеназванным термином и определением «перевод» [50, с. 77]. В. В. Липатова и А. В. Литвинов, отмечают, что некоторые ученые, «в частности В. Н. Комиссаров, рассматривают эквивалентный и адекватный перевод как неидентичные, хотя и тесно взаимосвязанные понятия. Адекватный перевод трактуется им более широко и рассматривается в качестве синонима «хорошего» перевода, обеспечивающего необходимую полноту межъязыковой коммуникации в конкретных условиях, в то время как эквивалентность характеризуется как смысловая общность приравниваемых друг к другу единиц языка и речи» [30, с. 106].

Профессор Питер Ньюмарк предложил собственную теорию перевода метафор, выделив следующие стратегии перевода: 1) «воспроизведение одного и того же образа в целевом языке при условии, что изображение имеет сопоставимую частоту и валюту в соответствующем регистре»; 2) «замена образа в целевом языке на образ в языке перевода»; 3) перевод метафоры с помощью сравнения»; 4) «перевод метафоры как сравнения вместе с ее смыслом

(или метафора + смысл)»; 5) «передача смысла метафоры при потере буквальной формы»; 6) «удаление метафоры вместе со смысловой составляющей, если она избыточна»; 7) «метафора передается на другом языке вместе с ее смыслом, при этом исключается дословное воспроизведение метафоры» [45, с. 201-202].

1.3.2. Способы перевода по Т.А. Казаковой и переводческие трансформации по В. Н. Комиссарову

Т.А. Казакова выделяет следующие виды полного перевода: буквальный, семантический и коммуникативный. Согласно исследовательнице, «буквальный перевод заключается в пословном исходного текста (ИС) в единицах переводящего языка (ПЯ)» [19, с. 13]. Бессонова использует термины «дословный перевод» и «синтаксическое уподобление», также означающие «способ перевода, при котором синтаксическая структура оригинала преобразуется в аналогичную структуру переводящего языка» [7, с. 61].

Согласно Т.А. Казаковой, «семантический перевод заключается в возможно более полной передаче контекстуального значения элементов ИС единицах ПЯ» [19, с. 14]. При таком способе перевода переводчик комбинирует две стратегии: «стратегию на способ выражения принятый, в ПЯ, и стратегию ориентирования на сохранение особенностей исходной формы выражения» [19, с. 14].

Наиболее используемый способ перевода художественного текста является коммуникативный. По Т.А. Казаковой, «коммуникативный способ заключается в выборе такого пути передачи исходной информации, который приводит к переводному тексту с адекватным исходному воздействию на получателя» [19, с. 15].

Существует также нулевой способ перевода. Согласно глоссарию переводческих терминов, «нулевой перевод – отказ от передачи в переводе значения грамматической единицы ИЯ» [54]. Такой способ перевода выбирается при передаче безэквивалентной лексики. Также он может быть использован, чтобы избежать избыточности в переводе.

Л. С. Бархударов вводит следующее определение: «переводческие трансформации – это те многочисленные и качественно разнообразные преобразования, которые осуществляются для достижения переводческой эквивалентности («адекватности») перевода вопреки расхождениям в формальных и семантических системах двух языков» [6, с. 190].

А. Д. Швейцер считает, что «термин «трансформация» используется в переводоведении в метафорическом смысле. На самом деле речь идет об отношении между исходными и конечными языковыми выражениями, о замене в процессе перевода одной формы выражения другой...» [41, с. 118].

В. Г. Гак понимает под переводческой трансформацией «отход от использования изоморфных средств, наличных в обоих языках» [11, с. 69]. К. В. Кулемина поясняет, что «изоморфными средствами являются системные эквиваленты, которые характеризуются одинаковым денотативным значением и грамматической однотипностью» [26, с. 143]. По мнению В. Г. Гака, «переводческая трансформация очень часто предопределяется использованием слов или грамматических форм во вторичных функциях (генерализация, транспозиция, десемантизация) либо в условиях контекстуальной или ситуативной избыточности» [11, с. 69].

В данной работе мы будем опираться на классификацию переводческих трансформаций, представленной В. Н. Комиссаровым. Ученый подразделяет трансформации на три вида: грамматические, лексические и лексико-грамматические.

Согласно В. Н. Комиссарову, лексические трансформации «описывают формальные и содержательные отношения между словами и словосочетаниями в оригинале и переводе» [20, с. 158]. К лексическим трансформациям относятся транскрибирование, транслитерация, калькирование и лексико-семантические замены (конкретизация, генерализация и модуляция). При транскрипции «каждой фонеме исходного языка найдено соответствие в фонемном составе» другого языка в то время, как при транслитерации «соответствие устанавливается на уровне графем, то есть передается... написание (графическая

форма) исходного слова» [6, с. 176]. Т. А. Казакова определяет калькирование как «воспроизведение комбинаторного состава слова или словосочетания, когда составные части слова (морфемы) или фразы (лексемы) переводятся соответствующими элементами переводящего языка» [19, с. 88]. Конкретизация заключается в замене единицы ИЯ с более широким значением на единицу ПЯ с более узким значением. Генерализация является обратным процессом конкретизации, то есть происходит замена единицы ИЯ с более узким значением единицей ПЯ с более широким значением. [6, с. 210-214] Модуляцией (смысловым развитием) называется прием, заключающийся в замене слова или словосочетания на иностранном языке единицей на языке перевода, значение которой логически выводится из значения исходной единицы [21, с. 159-161]. Т. А. Казакова выделяет еще одну лексическую трансформацию, именуемую функциональной заменой. Согласно исследовательнице, она применяется, когда «ни одно из соответствий, предлагаемых словарем, не подходит к данному контексту» [19, с. 106-107]. К примеру, фразу «the relaxation of the well-earned rest» в виду неподходящих к данному контексту словарных значений слова «relaxation» Т. А. Казакова предлагает перевести как «наслаждаясь заслуженным отдыхом» [19, с. 107].

Выделяют также такую лексическую трансформацию, как реметафоризация. Л. В. Кушнина описывает случаи реметафоризации, когда «в целях гармонизации смыслов переводчик может воссоздать метафору средствами другого языка» [28, с. 476].

К грамматическим трансформациям по В. Н. Комиссарову относятся синтаксическое уподобление (дословный перевод), грамматические замены (в том числе замены формы слова, частей речи, членов предложения, типа предложения), а также членение и объединение предложений. предложений и грамматические замены. Дословный перевод, или нулевая трансформация заключается в замене синтаксической структуры ИЯ на аналогичную структуру на языке перевода. Прием членения предложения заключается в его разбивке на два и более предложений в переводе. Прием объединения предложений является

противоположным приему членения предложения и заключается в том, что два и более предложения оригинала соответствуют одному предложению в переводе [21, с. 161-163]. Выделяют также такую грамматическую трансформацию, как перестановка. Согласно В. Н. Комиссарову, перестановка – это «изменение порядка следования языковых единиц в сообщении перевода по сравнению с текстом подлинника» [22, с. 305].

К комплексным лексико-грамматическим трансформациям В. Н. Комиссаров относит (экспликацию) описательный перевод, антонимический перевод и компенсацию. Автор данной классификации утверждает, что «описательный перевод (экспликация) – это лексическая трансформация, при которой лексическая единица исходного языка заменяется словосочетанием, эксплицирующим ее значение, т.е. дающим более или менее полное объяснение или определение этого значения на языке перевода» [20, с. 24]. Согласно С. Г. Бархударову, антонимическим переводом называют «трансформации утвердительной конструкции на отрицательную и наоборот, при которой происходит замена одного из переводимых слов ИЯ на его антоним в ПЯ» [6, с. 216]. С. Г. Бархударов также дает следующее определение: «компенсация – передача информации добавочными средствами, если в ПЯ нет эквивалентов элементу текста на ИЯ («...because they said «he don't and she don't» – «потому что они говорили «хочут» и «хочете»...»)» [6, с. 195-221].

Выводы по Главе 1

Нами было проанализировано одно из самых ранних определений метафоры, данное Аристотелем: «Метафора – перенесение слова с изменённым значением из рода в вид, или из вида в род, или по аналогии» [3, с. 66]. Мы выяснили, что в современной лингвистике перенесение из рода в вид или из вида в род называют метонимией, т.к. такие переносы основаны на объективных связях.

Нами было рассмотрено определение, данное О. И. Глазуновой, являющееся наиболее актуальным в современной лингвистике. Согласно исследовательнице, метафора – это «уподобление одного явления другому на основе семантической близости» [13, с. 177-178].

Нами были проанализированы точки зрения различных ученых. Помимо семантической составляющей, исследователь Дж. Штерн отмечает важность прагматического компонента для понимания метафоры. Дж. Лакофф и М. Джонсон придерживаются когнитивного подхода в то время, как ученый Д. Дэвидсон – сторонник буквального прочтения метафоры.

Нами были рассмотрены две классификации метафор. Лакофф и Джонсон выделяют три вида метафоры:

1. структурную;
2. ориентационную;
3. онтологическую.

Отечественная исследовательница Н. Д. Арутюнова подразделяет метафору на 4 вида:

1. номинативная метафора;
2. образная метафора;
3. когнитивная метафора;
4. генерализующая метафора.

Нами были проанализированы различные лингвистические особенности метафоры. Среди общих грамматических характеристик метафор нами были изучены следующие:

1. лексико-грамматическое единство словосочетаний;
2. изменение функций слов в составе метафоры или метафорического оборота;
3. отсутствие опорного контекста.

Среди лексических особенностей метафоры нами были рассмотрены следующие характеристики:

1. метафорический перенос;

2. двойственность метафор.

Нами были проанализированы некоторые синтаксические особенности метафор:

1. синтаксическая неразделимость;
2. характерные функции метафор в предложении: атрибуты и предикаты;
3. особенности генетивных метафорических конструкций.

Нами были рассмотрены понятия перевода и переводческой эквивалентности. Далее нами были проанализированы способы перевода, предложенные исследовательницей Т. А. Казаковой. Она выделяет три способа полного перевода:

1. буквальный;
2. семантический;
3. коммуникативный.

Нами была рассмотрена классификация переводческих трансформаций В. Н. Комиссарова, подразделяющего все трансформации на

1. грамматические;
2. лексические;
3. лексико-грамматические.

Нами также были проанализированы определения и примеры различных переводческих трансформаций.

Глава 2. Особенности перевода метафор в произведении У. Голдинга «Шпиль»

В данной главе нами будут рассмотрены способы перевода метафор и использованные переводческие трансформации. Как было указано в первой главе, исследователи Дж. Лакофф и М. Джонсон выделяют три типа метафор: структурные, ориентационные и онтологические. В подглаве 2.1 особенности перевода каждого из этих типов метафор будут рассмотрены более подробно.

Далее следующие метафоры будут распределены по классификации отечественной исследовательницы Н. Д. Арутюновой. Согласно данному подходу, метафоры подразделяются на 4 вида: номинативные, образные, когнитивные и генерализующие. На основе метафор, рассмотренных в рамках классификации Н. Д. Арутюновой, будут сделаны выводы об особенностях перевода каждого типа метафор.

2.1. Анализ метафор в романе «Шпиль» по классификации метафор Дж. Лакоффа и М. Джонсона

2.1.1. Особенности перевода структурных метафор

Нами были рассмотрены 15 структурных метафор, найденных в романе У. Голдинга «Шпиль». В ходе перевода данного типа метафор переводчиком были использованы различные способы перевода и характерные для них переводческие трансформации.

В двух случаях переводчик прибегнул к буквальному способу переводу. В следующих примерах мы можем наблюдать синтаксическое уподобление: «The whole tower was talking, groaning, creaking, protesting...» – «Вся башня стонала, скрипела, возмущалась...» [49, с. 82; 14, с. 149]. В данной метафоре башня сравнивается с человеком, что создает концепт «Башня – живое существо». Данный концепт подчеркивает трепетное отношение настоятеля к башне.

В одном случае буквального перевода переводчик использовал трансформацию, называемую калькированием: «Pangoll's kingdom» («Пэнголлово царство») [49, с. 12; 14, с. 23]. Данная метафора создает концепт «дом – царство».

В 12 случаях переводчик прибегал к коммуникативному способу перевода. В четырех примерах метафор мы наблюдаем грамматические трансформации:

1. В произведении «Шпиль» У. Голдинг создает концепт «любовь – шатер»: «they were in some sort of tent that shut them off from all other people». – «Некий шатер скрывал их от людей» [49, с. 36; 14, с. 63]. В данном случае происходит замена сложного предложения на простое.

2. В исследуемом романе существует концепт «Башня – живое существо»: «The whole tower was talking, groaning, creaking, protesting, and every now and then uttering a bang!». – «Вся башня заговорила – она стонала скрипела, возмущалась, то и дело вскрикивала: «Бам!»» [49, с. 82; 14, с. 149]. В данном примере используется грамматическая замена, а именно замена типа предложения (простого предложения на сложносочиненное). Кроме того, в данном примере наблюдается лексическая трансформация – конкретизация: слово «utter» («произносить», «издавать»), передается более узким и эмоционально окрашенным вариантом «вскрикивать».

3. В романе осмысляется концепт «дружба – связующая нить»: «frayed thread that bound them» – «нить, связывающая их, перетерлась») [49, с. 23; 14, с. 38]. В данном примере наблюдается замена членов предложения: определение «frayed» в переводе трансформируется в сказуемое «перетерлась».

4. В романе создается концепт «Шпиль – живой человек»: «The nave was his legs placed together, the transepts on either side were his arms outspread. The choir was his body» – «Неф – его сомкнутые ноги, трансепты по обе стороны – раскинутые руки, хор – туловище» [49, с. 7; 14, с. 7]. В данном примере наблюдается грамматическая замена, заключающаяся в соединении множества простых предложение в одно сложносочиненное предложение.

Большая часть структурных метафор передана в коммуникативном переводе при помощи различных лексических трансформаций.

В трех случаях метафоры данного типа были переданы при помощи сравнения: 1) «a reed shaken in the wind» – «как тростник, ветром колеблемый» – [49, с. 85; 14, с. 155]; 2) «...his smile stiffened». – «...улыбка застыла у него на

лице, как маска» [49, с. 72; 14, с. 131] 3) «The question loomed over him, expanded, became a mountain». – «Этот вопрос встал перед ним, как огромная гора». [49, с. 106; 14, с. 192] В данном примере мы также наблюдаем опущение градации сказуемых, присутствующее в оригинале.

Среди других лексических трансформаций были использованы функциональная замена, конкретизация, модуляция и добавление:

1. В романе многократно повторяется концепт «Башня – живое существо»: «It'll be a stone skin with stone members». – «Ведь это будет каменная кожа на каменных костях» [49, с. 74; 14, с. 134]. В данном примере наблюдается функциональная замена: слово «members» («органы», «чресла») заменяется на не словарный, но контекстный русский эквивалент «кости». Переводчик прибегает к эмфатизации с помощью добавления частицы «ведь» в переводе.

2. В данном произведении мы также наблюдаем концепт «Шпиль – Ноев ковчег»: «You say they built a raft. Why not believe the building floats on it?» – «Ты говоришь, что они настлали бревна. Так почему бы не поверить, что собор плавает на этом настиле?» [49, с. 25; 14, с. 41]. В рассматриваемом примере переводчик прибегает к конкретизации словосочетания «built a raft» и эмфатизации высказывания при помощи частицы «так».

3. В романе «Шпиль» встречается концепт «слово – камень»: «The words fell. They were not jewels or pearls... They were pebbles» - «Тяжелые слова. То не были жемчуга или самоцветы <...>. То были бульжники». [49, с. 36; 14, с. 54]. В данном случае переводчик прибегает такой переводческой трансформации, как модуляция (смысловое развитие).

4. В романе осмысляется концепт «Роджер-орудие труда»: «He had watched him anxiously, assessing him as a tool for building, ... had waited for the moment when he would need to be resharpened» – «Он пристально следил за мастером, оценивая свое орудие, ... ждал того мгновения, когда орудие притупится и надо будет снова его наточить...» [49, с. 71; 14, с. 129]. Автор прибегает к добавлению для создания более точного и понятного эквивалента.

В одном случае переводчик прибегнул к лексико-грамматическим трансформациям. В романе появляется концепт «Шпиль-человек»: «We've nothing but a skin of glass and stone stretched between four stone rods, one at each corner». – «Это всего лишь кожа из стекла и камня» [49, с. 74; 14, с. 133]. В данном случае прослеживается антонимический перевод первой части предложения, что позволяет передать эмоциональную окраску предложения в более привычной для русскоязычного читателя форме.

В одном случае структурная метафора была опущена. Концепт «Представители комиссии – корабли» не передан: «and the commission stood up and bowed like the crest of a wave. He sat in the chair as they sank again...» – «...семеро тоже встали и поклонились все разом, как будто набежала волна. Потом все сели, и Джослин тоже сел» [49, с. 101; 14, с. 184].

Среди примеров перевода структурных метафор доминирующим способом является коммуникативный перевод (12 из 15), позволяющий передать образ оригинала в структурах, понятных читателю из другой культуры. В виду близости и большей взаимопонятности европейских культур, прием опущения был обнаружен лишь в одном случае. Нечастое применение буквального перевода (2 случая из 15) доказывает, что несмотря на большое взаимодействие английской и русской культур, для создания эффекта, эквивалентного оригиналу, переводчику требуется прибегать к множеству трансформаций.

Что касается переводческих трансформаций, наиболее частотными стали лексические трансформации (7 из 15 метафор), позволяющие преодолевать межъязыковые различия и избегать нарушения норм сочетаемости единиц. В двух случаях были применены лексико-грамматические трансформации, что говорит об отсутствии частой необходимости комплексных преобразований при переводе номинативных метафор в романе У. Голдинга «Шпиль». В трех случаях переводчик прибегнул к грамматическим заменам, в одном – к комбинации грамматической и лексической трансформаций. Грамматические замены помогают сделать перевод более привычным и понятным для русскоязычного

читателя, в виду большого числа грамматических различий английского и русского языков.

2.1.2. Особенности перевода ориентационных метафор

При переводе ориентационных метафор переводчик использовал как коммуникативный, так и буквальный способ перевода. Переводчик прибегнул к множеству различных переводческих трансформаций.

Коммуникативный способ перевода был выбран в 12 случаях из 14. Наиболее частотными трансформациями стали различные грамматические замены и лексические трансформации, в ряде случаев переводчик прибегнул к комбинации вышеназванных трансформаций при переводе метафоры.

Далее нами приведены примеры грамматических замен с указанием их типа и подробным анализом каждого случая метафоры:

1. В романе в основном осмысляется и метафоризируется пространство в плоскости «верх-низ», где «верх» ассоциируется с позитивными чувствами, а «низ» – с негативными: «It's like a pair of scales in the market, he thought. Joy carries me up in one pan, and Anselm sinks in the other» – «Мы словно на весах. Чем выше поднимает меня радость, тем ниже падает Ансельм» [49, с. 32; 14, с. 55]. Во втором предложении, являющемся частью развернутой метафоры, наблюдается замена типа предложения со сложносочиненного на сложноподчиненное с целью эмфатизации.

2. В следующем примере пространство «верх–низ» осмысляется в таком же ключе. «Низ» ассоциируется с суетой, шумом и страданием в то время, как «верх» связан с блаженством и тишиной: «...but he knew that the tower had moved, gently, soundlessly up here, though down there the pillars might have cried — eeee — at the movement». – «Он знал, что даже не пошевелился, значит, шевельнулась башня, и хотя наверху ее движение было плавным и бесшумным, там внизу, опоры должно быть взвизгнули: «и-и-и!» [49, с. 84; 14, с. 152]. В исследуемом случае при переводе метафоры используется грамматическая замена типа предложения. В оригинале автор создает простое приложение, в котором наречия обособляются с целью эмфатизации: «but he knew that the tower

had moved, gently, soundlessly up here». При переводе данное предложение становится зависимым в составе сложноподчиненного предложения: «хотя наверху ее движение было плавным и бесшумным».

В ряде случаев переводчик прибегает к лексическим трансформациям, зачастую – к функциональной замене. Рассмотрим особенности использования данной трансформации на следующих примерах:

1. В тексте осмысляется пространство «внутри–снаружи». Использованная в оригинале метафора отражает беспокойный внутренний мир героя: «(the difference) It lay in...» – «Эта перемена. Она родилась в нем...» [49, с. 83; 14, с. 150] В данном случае наблюдается функциональная замена оригинального «lay in» на слово «рождалась» в виду несочетаемости буквального перевода слова в русском языке с его контекстным окружением в данном предложении.

2. В данном случае при помощи метафоры вновь осмыляется пространство «верх-низ»: «It began when we were knocked down, I think». – «Все это началось, когда мы были повергнуты» – [49, с. 97; 14, с. 176]. В данном случае буквальный перевод выражения «to be knocked down» («быть сбитым с ног») создавал бы другой образ. Следовательно, функциональная замена помогает создать эквивалентный оригиналу эффект на русскоязычного читателя.

3. В рассматриваемом примере метафоризируется пространство «верха», связанное с позитивными чувствами: «the ultimate prayer, spiring upward from the centre» – «вершины молитвы, устремленной ввысь из его сердца» [49, с. 121; 14, с. 219]. В данном случае функциональная замена использована для создания более привычной конструкции в русском переводе.

4. Ассоциация пространства «верха» устанавливается автором в следующей метафоре: «My spire pierced every stage, from the bottom to the top!» – «Мой шпиль вознесся превыше всех ступеней, от земли до небес». [49, с. 124; 14, с. 224]. В данном случае функциональная замена помогает переводчику передать яркость метафоры и создать такой же эмоционально-окрашенный образ, как и в оригинале.

5. В этом примере также наблюдается метафоризация пространства «внутри-снаружи»: «We've come this far: and that idea was so comfortable that he lay in it for a while» – «Эта мысль принесла ему такое утешение, что он полежал еще, как будто кутаясь в ней» [49, с. 83; 14, с. 150]. В данном случае используется перевод с помощью сравнения, что позволяет переводчику привлечь к метафоре большее внимание читателя.

6. В данном примере автор продолжает работать с пространством «внутри-снаружи»: «He looked them over from inside the cable» – «Он оглядел их, чувствуя, как петля стискивает грудь» [49, с. 100; 14, с. 183] – В данном случае наблюдается модуляция метафоры в переводе: в оригинале автор указывает, что герой находится внутри петли, в переводе из этого факта делается вывод, что петля сдавливает герою грудь.

7. Пример метафоры, в которой осмысляется пространство «внутри-снаружи» можно заметить в отрывке предложения: «... his eyes looked out of his aching head» – «...перед его глазами, и без того ослепленными пылающей болью» [49, с. 48; 14, с. 86]. В данном случае наблюдается реметафоризация: в оригинале глаза «выглядывают» из охваченной болью головы, однако в переводе глаза ослеплены болью. Переводчик создает новую более привычную метафору, однако важный для ее понимания пространственный компонент исчезает в переводе.

В некоторых случаях переводчику потребовалось прибегнуть к комбинации лексических трансформаций и одной из видов грамматических замен:

1. Другая ориентационная метафора связана с храмом и строящимся шпилем: «For the purpose of the building seemed concentrated in the funnel over the crossways» – «Весь его божественный смысл сосредоточился теперь наверху, в квадратной башне» [49, с. 63; 14, с. 99]. В данном случае в переводе наблюдается использование функциональной замены, способствующей конкретизации смысла метафоры в переводе, а также использование такой грамматической трансформации, как перестановки с целью эмфатизации.

2. В данном предложении герой разделяет свое тело на внешнюю оболочку и внутреннюю, осмысляя пространство «внутри-снаружи»: «He felt behind his eyes a kind of sick apprehension» – «Где-то позади глаз вспыхнула мучительная тревога» [49, с. 55; 14, с. 98]. В данном примере переводчик прибегнул к функциональной замене с целью эмфатизации и грамматической замене части речи для более лаконичного звучания предложения.

3. В следующем примере также осмыляется пространство «внутри-снаружи»: «Inside his head, a series of octagons, each made of oak beams a foot thick, had built themselves up and up». – «В голове у него все выше и выше громоздились венцы из дубовых бревен» [49, с. 74; 14, с. 135]. В данном предложении при переводе наблюдается перестановка подлежащего и сказуемого и функциональная замена в виду различия языковой пары русского и английского.

В двух рассмотренных ниже случаях переводчик прибегнул к синтаксическому уподоблению, иными словами буквальному переводу: 1) «I shall thrust you upward by my will» – «Ты увидишь, как я подвигну тебя ввысь силою своей воли» [49, с. 26; 14, с. 43]; 2) «...say that a feeling rose from my heart. It grew stronger, reached up until at the utmost tip it burst into a living fire». – «И вдруг сердце моё дрогнуло; должно быть, в нём поднялось некое чувство. Оно крепло; устремлялось все выше и у вершины вспыхнуло животворным огнём» [49, с. 120; 14, с. 217].

Таким образом, ориентационные метафоры так же, как и структурные, были в основном переданы в переводе при помощи коммуникативного способа (12 из 14 метафор) в виду большого числа лингвистических различий английского и русского языков. Большинство (7 из 12) примененных переводчиком трансформаций относятся к лексическому типу, что делает такие трансформации наиболее частотными при переводе ориентационных метафор. Причиной тому служат различные факторы такие, как стремление переводчика создать эквивалентный оригиналу эффект на читателя, несочетаемость буквального перевода слова с его окружением, желание переводчика создать более привычный для русскоязычного читателя текст. Малое количество

исключительно грамматических трансформаций (2 из 14 метафор) объясняется особенностью ориентационных метафор: они основаны на осмыслении ориентационных концептов и выражаются в лексическом выборе слов, а не особом построении фразы или предложения. В трех примерах наблюдается комбинация лексических и грамматических средств при переводе метафор, что связано с сочетаемостью слов и различием в привычном порядке слов английского и русского языков.

2.1.3. Особенности перевода онтологических метафор

Метафорический перенос онтологических метафор заключается в овеществлении нематериальных вещей таких, как эмоции, чувства человека или абстрактные понятия. Нами будут рассмотрены 13 метафор, соответствующих вышеназванному определению.

Одна онтологическая метафора была переведена буквальным способом. В данном случае автором осмысляется концепт «Тяжелый сон–колодец»: «He came up out of a deep well». – «Он выбрался из глубокого колодца» [49, с. 108; 14, с. 196]. Слово сочетание «deep well» было переведено дословно, без применения каких бы то ни было переводческих трансформаций.

Часть онтологических метафор была опущена вследствие множества лингвистических различий английского и русского языков. В подобных случаях метафора, заключающаяся в превращении абстрактных понятий в материальные объекты, не передана: 1) «Jocelin examined the words and then a memory of the faces over his bed». – «Джослин подумал на этих словах, припомнил лица, которые склонялись над его постелью» [49, с. 130; 14, с. 235]; 2) «...he took his inability to pray back with him to the deanery» – «он пошел к себе, но не мог молиться» [49, с. 81; 14, с. 146].

При переводе метафор данного типа переводчик часто прибегал к грамматическим заменам:

1. В рассматриваемом предложении наблюдается концепт «Мыслительный процесс–физический путь, дорога»: «Jocelin, going his own interior road, came to a second thought». – «А Джослин, следуя по этой дороге

внутри себя, добрался до второй мысли» [49, с. 125; 14, с. 225]. При переводе выделенного слова наблюдается замена части речи: оригинальное прилагательное в переводе превращается в наречие, что связано с грамматическими особенностями русского языка.

2. В данном примере абстрактное понятие «воля» предстает как живое материальное существо: «Let the will talk to him». – «Пусть же с ним поговорит моя воля» [49, с. 75; 14, с. 136]. Лексический состав предложения в переводе эквивалентен оригиналу, однако для большей выразительности в русском варианте текста сказуемое стоит перед подлежащим, что позволяет говорить об использовании такой грамматической замены, как перестановка при переводе.

3. В данном примере безумие превращается в материальный объект: «...with his folly held in both hands» – «...обеими руками неся перед собой свое безумство» [49, с. 37; 14, с. 65]. В исследуемом случае так же, как и в предыдущих примерах, наблюдается перестановка в порядке слов. Кроме того, в переводе изменяется функция причастия «held», что свидетельствует о применении грамматической замены части речи.

4. В следующем примере деньги сравниваются с человеком: «I tell you, money can't build your spire for you». – «Говорю тебе, деньги не построят этот шпиль» [49, с. 30; 14, с. 45]. В данном случае составное сказуемое при переводе трансформируется в простое глагольное сказуемое будущего времени. Такое построение предложение является более привычным для русскоговорящих читателей.

5. В следующем примере воспоминания приобретают характеристики материальных вещей: «...before his unblinking eyes the memories came storming in» – «...перед его немигающими глазами вихрем пронеслись воспоминания» [49, с. 104; 14, с. 143]. В данном случае наблюдается грамматическая замена (замена членов предложения), а также функциональная замена слова.

При переводе онтологических метафор также были применены лексические трансформации. Переводчик часто прибегал к функциональной замене, так как выбранная в переводе лексическая единица отличается большей

сочетаемостью, чем одно из словарных значений слова, в данном контексте: 1) «a golden maze» – «золотая путаница следов» [49, с. 90; 14, с. 163]; 2) «an infinite sea of grief». – «безбрежное море скорби» [49, с. 123; 14, с. 223]; 3) «all so contrived as to bring the will within a single moment of defeat». – «...все было так задумано, чтобы сломить его волю». [49, с. 56; 14, с. 136]. В одном случае функциональная замена была применена с целью эмфатизация: «a host of memories» – «целое воинство воспоминаний двинулось на него» [49, с. 98; 14, с. 178].

Другим использованным лексическим средством стала реметафоризация, позволяющая сохранить художественный эффект при помощи другого образа: «...the strain built itself up». – «...тяжесть возвращается» [49, с. 93; 14, с. 168]. Рассмотренная ниже реметафоризация повлекла за собой грамматическую трансформацию – замену членов предложения, что способствует благозвучности текста перевода: «...a vast astonishment fell on Jocelin». – «Джослина охватило глубочайшее удивление» [49, с. 127; 14, с. 228].

Среди онтологических метафор выделяется особый подвид – метафоры-вместилища. Такие метафоры осмысливают нематериальные пространства как материальные, которые словно физически вмещают в себя другие объекты. В английском языке подобные метафоры (к примеру, «out of sight», где «sight» словно выступает физическим вместилищем содержимых предметов и живых существ) являются привычными и часто употребляются в речи. Однако в русском языке аналогичные метафоры и буквальный перевод этих фраз встречаются довольно редко.

При переводе метафор-вместилищ в данном произведении был применен нулевой перевод: 1) «He caught sight of the white, noble head of Anselm». – «В дальнем конце он увидел благородную седую голову Ансельма». [49, с. 38; 14, с. 50]; 2) «...before he was out of sight» – данный фрагмент в переводе опущен [49, с. 139]; 3) «...their singing had put his purpose out of his head» – «...из-за этого пения забыл, что собирался делать». [49, с. 139]; 4) «he dismissed them from his mind». – «...сразу забыл о них». [49, с. 106; 14, с. 193]; 5) «But Jocelin was away

in some dream, out of which he answered absently». – «...он грезил и сказал рассеянно» [49, с. 131; 14, с. 236].

В ряде случаев при помощи лексических трансформаций переводчику удалось найти эквивалентный вариант перевода, производящий художественный эффект на читателя, равносильный оригиналу. В двух случаях переводчик прибегнул к функциональной замене, позволяющей создать привычные для русскоязычного читателя слова и выражения: 1) «He had put Anselm out of his mind» – «Он выбросил Ансельма из головы» [49, с. 23; 14, с. 55]; 2) «And then the spire put the thoughts out of his head». – «Шпиль вытеснил все мысли из его головы» [49, с. 23; 14, с. 167].

В трех случаях переводчиком были выбраны другие лексические трансформации, позволяющие привлечь внимание читателя к метафорическому сравнению. Генерализация, при которой переводчиком выбирается более широкое значение слова, помогает нивелировать несочетаемость некоторых лексических единиц в языке перевода: «He lay in his nowhere». – «Джослин был нигде» [49, с. 122; 14, с. 221].

С целью эмфатизации в двух примерах была использована трансформация, называемая конкретизация: 1) «...the spire was so firmly based in his head there was nothing else to think of». – «...шпиль прочно стоит у него в голове» [49, с. 108; 14, с. 195]; 2) «...and all the spire was in his head». – «...шпиль, весь целиком, высился у него в голове» [49, с. 97; 14, с. 175-176].

В одном случае при переводе фраз «out of terror» был выбран вариант с антонимичным дословному переводу предлогом – «в ужасе». Такой перевод делает текст более привычным для русскоязычного читателя, так как в нем используется устойчивое в русском языке выражение: «He groaned, out of his terror». – «Он простонал в ужасе» [49, с. 98; 14, с. 178].

Таким образом, среди онтологических метафор две метафоры при переводе были опущены, одна метафора была передана с помощью буквального перевода, 11 метафор были переведены коммуникативным способом. Что касается переводческих трансформаций, лидирующими стали лексические

трансформации (6 из 11 использованных трансформаций), а именно функциональная замена, реметафоризация и генерализация. Это объясняется различием в понимании характерных концептов, вследствие чего переводчику необходимо было выбрать небуквальные переводы метафор, а в некоторых случаях даже создать собственные образные сравнения. Грамматические замены были использованы в пяти случаях и в основном были связаны с заменой части речи, позволяющей тексту перевода звучать более естественно на русском языке. Комбинация лексико-семантической и грамматической трансформаций была обнаружена в двух случаях, что указывает на отсутствие необходимости большого числа трансформаций при переводе онтологических метафор.

Что касается подвида онтологических метафор, метафор-вместилищ, в отличие от других типов метафор, они часто не переводились и опускались (в 5 из 11 случаях). Однако как и в остальных типах преобладающим способом перевода является коммуникативный. Переводчиком были использованы лексические трансформации, в виду необходимости поиска аналогичных устойчивых или привычных выражений в русском языке. В одном случае переводчик прибегнул к лексико-грамматической трансформации, а именно антонимическому переводу, в виду особенностей норм русского языка.

2.2. Анализ метафор в романе «Шпиль» по классификации метафор

Н. Д. Арутюновой

2.2.1. Особенности перевода номинативных метафор

Данный тип метафор связан с многозначностью значений одного и того же слова. Понятие многозначности (полисемии) интересует множество ученых. В. В. Елисеева полагает, что «многозначность, или полисемия слова – это наличие у языковой единицы более одного значения при условии семантической связи между ними или переноса общих либо смежных признаков или функций с одного денотата на другой» [17, с. 17]. В. Н. Немченко объясняет это явление «наличием у единицы языка более одного значения – двух или нескольких» [33, с. 281]. Д. Н. Шмелев представляет свою точку зрения на полисемичность: «Когда говорят о полисемии, имеют в виду, прежде всего многозначность слов как единиц

лексики. Лексическая полисемия – способность одного слова служить для обозначения разных предметов и явлений действительности» [43, с. 382]. Т. И. Арбекова утверждает, что «многозначность (полисемия) – это способность слова служить средством наименования разных классов предметов. Следовательно, словарные значения многозначного слова обязательно различны по объему» [2, с. 80].

Исследователь И. В. Толочин, представляет интересный взгляд на полисемию, рассматривая ее в денотативно-референциальном аспекте: «В соответствии с представлением об отражательной природе соотношения понятие-слово-предмет, слово имеет одно прямое значение, центром которого является денотат – т. е. отраженный в сознании объект, существующий во внешней действительности как таковой. Все остальные значения слова рассматриваются как производные от этого основного варианта» [39, с. 261]. С такой трактовкой соглашаются исследовательницы Т. И. Галеева, С. Х. Казиахмедова, Е. А. Янова, утверждая, что «полисемичное слово имеет несколько значений – денотативное (воспроизводимое) значение и производные от него значения (контекстуальные)» [12, с. 784].

Исследовательница С.А. Горская выделяет следующие типы связи многозначных слов: радиальную, цепочную и радиально-цепочную. Согласно ученой, «радиальная связь – это связь, при которой все значения слова непосредственно связаны с главным» [15, с. 8]. Например, flux: 1) течение, поток, постоянное движение, чрезмерное выделение, чрезмерное вытекание; 2) паяльный флюс; 3) дизентерия; 4) гиперемия; 5) воен.: секундная масса, массовый секундный расход; 6) магнитный поток; 7) геол.: прилив; 8) мех.: канифоль; 9) нефт.: гудрон; разжижитель (твердых битумов); 10) физ.-хим.: проницаемость; удельная производительность [53].

«Цепочечная связь – связь, при которой каждое новое значение слова связано с предшествующим, но «крайние» значения могут быть и не связаны между собой» [15, с. 8]. К подобному типу полисемии относится слово «picture»: 1) картина, состоящая из линий и форм, изображающая какой-то объект или

сцену, которая может быть представлена перед человеком; 2) фотография; 3) изображение, выводимое на экран телевизора; 4) фильм; 5) в британском варианте английского языка словом “picture” обозначают фильм, который предоставлен для просмотра в кинотеатре. Американское слово “movies”; 6) представление о чем-либо в уме тоже будет обозначаться словом “picture” [29, с. 10].

Т. И. Галеева. С. Х. Казиахмедова, Е. А. Янова подчеркивают, что «цепочечная связь многозначных слов в чистом виде встречается в языке довольно редко, как правило, – в комбинации с радиальной» [12, с. 784].

«Смешанная, или радиально-цепочечная связь – это связь полисемии, когда в слове совмещены оба типа связи» [15, с. 8]. Т. И. Галеева. С. Х. Казиахмедова, Е. А. Янова отмечают, что «на практике чаще встречаются радиальная и смешанная лексические связи многозначных слов» [12, с. 785].

В рассматриваемом произведении было обнаружено 14 номинативных метафор, построенных на полисемичности слова. Нами было отмечено, что большинство переведенных метафор были переданы коммуникативным способом с применением лексических трансформаций, зачастую при помощи функциональной замены. Рассмотрим подробнее каждый случай:

1. В данном примере при переводе «burst into raging flames of temper» не было использовано его прямое значение «burst into» («разгореться, разразиться») [56]. Переводчик прибегнул к функциональной замене: «давал волю своему бешенству» [14, с. 128].

2. При переводе словосочетания «push of the wind» так же не было выбрано ни одно из прямых значений слова («толчок, пробуждение»), в виду несочетаемости таких значений с контекстом в языке перевода [60; 49, с. 72]. При помощи функциональной замены было создано эквивалентное выражение: «порыв ветра» [14, с. 128].

3. Следующая рассмотренная нами метафора «sudden spats of temper» содержит полисемичное слов «spat» [49, с. 93]. Согласно словарю Мэрриэм-Вебстер, в данном случае слово имеет переносное значение «a brief petty quarrel

or angry outburst» («небольшие ссоры или всплески гнева») [63]. В переводе для большей благозвучности в русском варианте был выбран эквивалент: «внезапные крики ярости» [14, с. 169].

4. Согласно Кэмбриджскому словарю, словосочетание «thatch of hair» обозначает «a mass of thick or untidy hair» («груда толстых или неопрятных волос») [61]. При переводе словосочетания «his thatch of dark hair» была использована реметафоризация: «копна темных волос» [49, с. 10; 14, с. 14]. В отсутствии прямого эквивалента переводчиком был выбран наиболее схожая единица перевода. Стоит отметить, что подобранный русскоязычный эквивалент отличается положительной коннотацией в то время, как оригинальное выражение служит для описания негативной характеристики.

5. В предложении «a grain of sky hit him» так же не было выбрано ни одно из значений слова «grain» («зерно», «крупинка», «крупница», «волокно») [49, с. 21; 57]. Переводчиком был выбран более привычный для русскоязычного читателя вариант, оказывающий эмоциональное воздействие, равносильное оригиналу: «В глаза ему засиял клочок неба» [14, с. 76].

6. При переводе следующей метафоры так же не был использован буквальный перевод слова «leaf» («лист»): «one leaf of the door» [62; 49, с. 101]. При помощи функциональной замены был выбран более привычный в русском языке вариант: «створка двери» [14, с. 184].

В данном примере функциональная замена сочетается с грамматической заменой (перестановкой): «eyes, deep in sockets» – «ввалившиеся глаза» [49, с. 97; 14, с. 176]. Выбранные трансформации также делают текст более привычным для русскоязычного читателя.

С этой же целью в одном случае метафора в русском переводе была передана при помощи эпитета: «gusts of laughter» – «судорожный смех» [49, с. 93; 14, с. 169]. Прямое значение слова «gust» («порыв ветра») не соответствует нормам сочетаемости слов в русском переводе [58].

Такая лексическая трансформация, как модуляция, используется с целью эмфатизации: «That gets nowhere near the root. – «Так не добраться до корня» [49, с. 122; 14, с. 221].

В одном случае, в виду одинаковых некоторых лексических значений слов, был выбран буквальный способ перевода, не требующий дополнительных трансформаций: «His triumph felt a little tarnished at the edges» – «Его торжество как будто слегка потускнело» [49, с. 64; 14, с. 85].

В двух случаях переводчику не удалось найти подходящий эквивалент, и метафора была опущена: «So he stood there feeling the tide of misery rise». – «Он стоял, чувствуя себя бесконечно несчастным. [49, с. 84; 14, с. 153]. В следующей фразе слово «pat» не имеет эквивалента в русском языке: «The answer came pat» [49, с. 77]. Согласно Кэмбриджскому словарю, «A pat answer or remark has been previously prepared, so that it is said quickly and without any real thought» (заготовленный ответ, сказанный быстро, без каких-либо размышлений) [59]. В виду отсутствия эквивалентной лексической единицы, в русском языке переводчик опустил метафору: «Этот ответ был неизбежен» [14, с. 135].

Номинативные метафоры связаны с полисемичностью слов и отражают способность слов иметь как прямое, так и метафорическое значение. Ввиду различий русского и английского языков, номинативные метафоры часто не переводятся дословно. В абсолютном большинстве случаев (10 из 12) переводчик прибегнул к лексическим трансформациям, как функциональная замена в абсолютном большинстве случаев, реметафоризации, модуляции и переводы при помощи эпитета. Буквальный перевод был использован в двух случаях, в которых слово имеет одинаковое переносное значение как в русском, так и английском языках. Переводчик опустил метафору в одном случае, чтобы избежать нагромождения слов и сделать предложение более лаконичным.

2.2.2. Особенности перевода образных метафор

Образы в культуре связаны с определенными стереотипами, сложившимися вокруг тех или иных явлений действительности. Согласно В. В. Красных, стереотип – это «устойчивое, минимизировано-инвариантное,

обусловленное культурно-национальной спецификой представление о предмете или ситуации» [24, с. 231]. Исследовательница Е. В. Полякова также утверждает, что «в стереотипах отражается представление о типовых фрагментах окружающей действительности, следовательно, стереотип можно рассматривать как инвариант определенного участка картины мира» [37, с. 147].

А. В. Шевчик раскрывает понятие внутренней формы слова. Согласно исследовательнице, «внутренняя форма образного слова в единстве двух её компонентов – мотивационной формы (МФ) и мотивационного значения (МЗ) – внутрисловно выражает двуплановость семантики образного слова и её связь со звуковой оболочкой на основе соотнесённости с языковой и неязыковой действительностью» [42, с. 30].

Среди рассмотренных нами 12 образных метафор из романа У. Голдинга «Шпиль», как и в случае с предыдущими типами метафор, преобладающим способ перевода стал коммуникативный, при помощи которого были переданы 10 метафор.

Во многих случаях наблюдается использование грамматических трансформаций. Наиболее частотной из них является перестановка. Такая трансформация была применена в следующих примерах: «my son» – «сын мой» [49, с. 52; 14, с. 105]; «my child» – «дитя мое» [49, с. 55; 14, с. 112]; «my father» – «отец мой» [49, с. 60; 14, с. 120]. В рассмотренных нами примерах при помощи перестановки создается особый порядок слов, не характерный для бытовой русскоязычной речи, но используемый в церковной среде. Действие романа происходит в монастыре, поэтому выбранная переводчиком трансформация позволяет передать особенности речи героев книги.

Трансформация перестановки была применена в следующем примере: «The devil himself». – «Сам дьявол» [14, с. 139]. В русском варианте возвратное местоимение было поставлено перед существительным согласно правилам порядка слов в русском языке. При буквальном переводе данного словосочетания получается незаконченное предложение со смыслом, отличным от оригинала.

В следующем предложении также содержится образная метафора, с помощью которой лицо героини сравнивается с несокрушимым бастионом: «Only the eyes, the little mouth, the nose, held out — bastions so strong they need not be defended». – «Только глаза, маленький рот и нос были так несокрушимы, что их не приходилось отстаивать» [49, с. 114; 14, с. 206]. В данном случае наблюдается использование грамматической замены, а именно замены типа предложения со сложносочиненного на сложноподчинённое с целью эмфатизации. Функциональная замена слова «held out» на «несокрушимы» более естественно выглядит в контексте данного предложения, вмещающего в себя образную метафору.

При переводе образных метафор в произведении У. Голдинга «Шпиль» также были использованы лексические трансформации. Переводчик прибегал к функциональной замене, служащей различным целям:

1. Рассмотрим метафору «distant sheep» («далекая паства») [49, с. 30; 14, с. 52]. В данном случае функциональная замена позволяет найти более привычный для русскоязычного читателя вариант. Выбранное слово «паства», используемое в религиозной сфере, также подчеркивает особенности речи героев романа, многие из которых являются церковными священнослужителями.

2. В следующем предложении содержится образная метафора: «I never came up against beldame». – «Он уберег меня от женщины, этого исчадия ада» [49, с. 86; 14, с. 156]. Переводчиком не было выбрано ни одно из словарных значений слова «beldame» («старая карга, ведьма»). [словарь] Выбранная функциональная замена позволяет сделать перевод выразительным, использованное переводчиком словосочетание мгновенно привлекает к себе внимание читателя. Кроме того, при переводе данного предложения была использована модуляция, подчеркивающая особенности мировоззрения героя: настоятель монастыря никогда не сталкивался проблемами, созданными женщинами, следовательно, он считает, что Бог уберег его от этого.

3. При переводе следующей метафоры переводчиком прибегнул к добавлению слова с целью эмфатизации: «I was the church in her mind». – «В её

глазах я был сама церковь» [49, с. 85; 14, с. 155]. Кроме того, словосочетание «in her mind» было переведено при помощи функциональной замены, более понятной русскоязычному читателю. Данное выражение было перемещено в конец предложения, что позволяет говорить о грамматической трансформации перестановки, при помощи которой предложение приобретает более привычный для русского языка порядок слов.

С целью создания привычного для русскоязычного читателя текста две метафоры были переведены при помощи сравнения: 1) «We're mayfly» – «Мы как мотыльки» [49, с. 73; 14, с. 133]; 2) «I'm a building with a vast cellarage where the rats live...» – «...я как дом с огромным подвалом, где живут крысы» [49, с. 132; 14, с. 238].

В виду сходства некоторых образных ассоциаций в английском и русском языках в двух случаях переводчиком был использован буквальный перевод:

1. Герой использует ругательство «the slug» («слизняк») как в английском, так и в русском языках предикатное значение данного слова перешло в идентифицирующее и используется для обозначения определенных негативных качеств человека [49, с. 68; 14, с. 123].

2. В данном предложении при переводе образных метафор «army», обозначающей строительную бригаду, и «general», обозначающей бригадира, был также выбран буквальный способ перевода: «Your army? I thought you were their general» – «Твою армию? А я-то считал тебя военачальником» [49, с. 25; 14, с. 42].

Таким образом, можно сделать вывод, что большинство (10 из 12) рассмотренных образных метафор переведены коммуникативным способом. В двух случаях метафоры были переданы при помощи буквального перевода. В четырех метафорах переводчик использовал трансформацию перестановки, способствующей более привычному порядку слов, но не приводящей к значительным изменениям при переводе. Это связано с общностью литературных и языковых образов в европейской культуре, в том числе в английской и русской. Грамматические замены и комбинация грамматических и

лексических замен необходимы вследствие лингвистических различий двух языков. В виду этих грамматических различий, для большей благозвучности в двух случаях образные метафоры были переведены при помощи сравнения. В двух случаях для достижения художественного эффекта, эквивалентного оригиналу, переводчик прибегнул к лексической трансформации – функциональной замене.

2.2.3. Особенности перевода когнитивных метафор

Исследовательница Л. В. Кульчицкая отмечает, что «характерными чертами когнитивной метафоры, по Арутюновой, являются следующие: 1) метафоризация предикатного значения признаков слов; 2) создание новых значений (понятий) в ходе метафорического переноса; 3) роль инструмента познания (гносеологическая роль)» [27, с. 87].

Схожее понимание когнитивной метафоры имеет В. Н. Телия, создавшую собственную типологию, разделив метафоры так же, как и Н. Д. Арутюнова, согласно выполняемым функциям. В. Н. Телия выделяет идентифицирующие (или индикативные), предикативные, оценочные, эмотивные (оценочно-экспрессивные) и образные. Она считает, что некоторые из этих типов «приводят к формированию нового значения», иными словами обладают «когнитивной функцией» [38, с. 193].

Е. О. Опарина, характеризуя способность метафоры создавать новые смыслы, использует термин «концептуальная метафора» вместо «когнитивная метафора» [35, с. 66]. О. Ю. Буйнова считает термин «концептуальная метафора» синонимичным определению «когнитивная метафора» [10, с. 61]. Лакофф разделяет понятия «когнитивная метафора» и «концептуальная метафора» [51, с. 203]. Л. В. Кульчицкая соглашается с Лакоффом, утверждая, что «когнитивная метафора – это механизм активации нейронных связей (нейрофизиологический уровень функционирования головного мозга), а концептуальная метафора – это проекция между понятийными областями (уровень понятийного мышления)». Нами разделяется точка зрения Л.В. Кульчицкой, разделяющей два типа метафоры. За основу работы взято определение когнитивной метафоры из

работы Н.Д. Арутюновой, приведенное в главе 1. В данной части работы нами будут рассмотрены 14 когнитивных метафор из романа У. Голдинга «Шпиль».

Большинство метафор в исследуемом произведении были переведены коммуникативным способом (12 из 14 метафор). Что касается использованных трансформаций, наиболее частотными являются грамматические и лексические преобразования. Ниже будут рассмотрены примеры грамматической замены:

1. В данном случае в русском переводе дополнение «a flash of fire» трансформируется в подлежащее: «a flash of fire through his head» – «в его голове разгоралось пламя» [49, с. 48; 14, с. 85]. Кроме того, в переводе происходит инверсия в порядке слов: сначала идет обстоятельство, затем сказуемое и подлежащее. Такой порядок слов позволяет сделать текст более благозвучным и эмоциональным для русскоязычного читателя и создать эквивалентный оригиналу эффект, нежели вариант буквального перевода данного отрывка.

2. В следующем предложении мы наблюдаем трансформацию причастия в роли определения «burned» в сказуемое в главной части сложноподчиненного предложения: «part of the nature of woman burned into him» – «его ожгла мысль, что таковы все женщины» [49, с. 38; 14, с. 66]. В данном случае также наблюдается трансформация типа предложения: английское двусоставное простое предложение трансформируется в сложноподчиненное предложение, состоящее из двух простых.

3. В данном случае при переводе наблюдается замена типа предложения с простого предложения с составным сказуемым на сложноподчиненное предложение: «A weight of hot water seemed to run from his neck into the back of his head» – «...почувствовал, как через шею и затылок словно хлынул кипяток» [49, с. 49; 14, с. 87-88].

4. В следующем примере наблюдается аналогичная замена типа предложения: «The singing of the stones pierced him». – «Камни пели, этот звук пронзал его» [49, с. 51; 14, с. 91]. Однако в рассматриваемом случае простое предложение в переводе заменяется на сложносочиненное предложение, состоящее из двух двусоставных простых предложений.

5. В данном случае, напротив, в переводе предложение не разделяется на две части в составе сложноподчиненного предложения, происходит слияние двух простых предложений в одно простое с однородными сказуемыми: «The questions drove him back in his chair, they pressed in». – «Вопросы давили и сковывали его» [49, с. 106; 14, с. 192].

При переводе метафор коммуникативным способом переводчик прибегнул к ряду лексических трансформаций:

1. В данном предложении при переводе подчеркнутых сказуемых переводчик прибегнул к функциональной замене: «Goody with her hidden red hair would stab his mind and prick tears out of his eyes». – «Гуди со своими рыжими волосами врывалась в его мысли и исторгала из глаз слезы» [49, с. 94; 14, с. 127].

2. В следующем рассмотренном нами случае переводчик прибегнул к конкретизации для достижения большего художественного эффекта: «though the soul had faith, the body became a thing of contracted muscles, quivering nerves, that believed the thing would snap those four needles down there like alder sticks». – «ему казалось, что эта махина вот-вот переломит четыре каменные иглы, как ольховые прутики» [49, с. 94; 14, с. 170]. В английском тексте наблюдается словосочетание «four needles» («четыре иглы») в то время, как в переводе добавляется более подробная характеристика метафорических «игл», что делает образ более ярким и запоминающимся.

3. В исследуемом ниже примере был выбран перевод метафоры при помощи сравнения: «At last he was left, helplessly in the grip of the new knowledge». – «В конце концов, беспомощный и покинутый, он оказался во власти своего прозрения, как в тисках» [49, с. 112; 14, с. 203]. Такая трансформация позволяет сделать текст более привычным для русскоязычного читателя.

4. В данном случае наблюдается реметафоризация, при которой переводчиком создается другое скрытое сравнение, производящее эффект на читателя, сопоставимый оригинальному: «A grain of sky hit him». – «В глаза ему засиял клочок неба» [49, с. 54; 14, с. 76].

5. В рассматриваемом примере вновь наблюдается реметафоризация, позволяющая сохранить художественный эффект на читателя, используя более привычные образы: «otherwise the fear would not have laid so obvious a hand on him». – «иначе им не владел бы столь явный страх» [49, с. 90; 14, с. 163].

В двух случаях при переводе наблюдалась комбинация лексических и грамматических трансформаций:

1. В данном примере наблюдается трансформация, именуемая функциональной заменой: «...he went slowly and noted how even that made his heart trot». – «...поднимался медленно, но все равно сердце его отчаянно колотилось» [49, с. 97; 14, с. 175]. Слову «trot» для большей выразительности был подобран несловарный русский эквивалент «отчаянно колотилось». В данном примере наблюдается еще одна трансформация – замена типа предложения. Переводчик заменяет английское сложноподчиненное предложение на сложносочиненное, что позволяет избежать нагромождения синтаксических конструкций в переводе.

2. В следующем предложении при переводе метафоры также наблюдается комбинация различных типов переводческих трансформаций: «Only Jocelin, impaled on his will, would find a cheerful answer to the needles in each ear». – «Один лишь Джослин, распятый на кресте своей воли, с улыбкой говорил, почувствовав иголки в ушах» [49, с. 91; 14, с. 129]. В данном случае сказуемое «would find a cheerful answer» было передано на русский язык при помощи функциональной замены «с улыбкой говорил». Выбранная лексико-семантическая трансформация создала необходимость использования грамматической замены части речи: «needles in each ear» превратились из дополнения в простом предложении в дополнении в составе деепричастного оборота.

В двух случаях переводчик прибегнул к буквальному переводу: 1) «Presently my whole body will be on fire» – «Сейчас все тело мое вспыхнет огнем» [49, с. 73; 14, с. 95]; 2) «feeling a warmth round the heart» – «ощущая теплоту на сердце» [49, с. 104; 14, с. 143].

Так же, как и при переводе предыдущих типов метафор, лидирующим способом перевода (12 из 14 метафор) является коммуникативный, позволяющий передать эмоционально-эстетическое значение текста в переводе. Грамматические и лексические трансформации были применены в пяти случаях каждые, в двух случаях переводчик прибегнул к комбинации вышеназванных трансформаций. Такое распределение говорит о важности учета как грамматических различий английского и русского языков, так и когнитивных особенностей русскоязычных и англоязычных читателей. Когнитивные метафоры связаны с восприятием человека и присвоением объекту признаков, принадлежащих к другому классу предметов. В виду того, что когнитивные особенности мышления носителей различных языков отличаются буквальный перевод когнитивных метафор был применен лишь в двух случаях.

2.2.4. Особенности перевода генерализующих метафор

Автор исследуемой функциональной классификации метафор Н. Д. Арутюнова отмечает, что генерализующие метафоры основываются на когнитивных. Когда последние разрушают нормы сочетаемости слов в их буквальном значении, что приводит к крайней степени логической полисемии.

В рассматриваемом романе У. Голдинга «Шпиль» было обнаружено 14 генерализующих метафор. Как и в предыдущих случаях, преобладающим способом перевода данного типа метафор стал коммуникативный (10 из 14 исследуемых примеров).

Во многих случаях переводчик прибегнул к использованию лексических трансформаций. Рассмотрим их подробнее:

1. В следующем примере наблюдается такая трансформация, как конкретизация: «They are a trial to us all, my son». – «Они тяжкое испытание для всех нас, сын мой» [49, с. 38; 14, с. 68]. С целью эмфатизации переводчиком оригинальному слову «trial» был подобран более узкий эквивалент «тяжкое испытание», позволяющий передать отношения героя к рабочим.

2. В данном случае с целью эмфатизации наблюдается добавление слова «весь» в переводе с целью эмфатизации: «He was bent into a little grey space,

tense and appalled». – «Он весь съёжился в крошечный серый комок, трепещущий, терзаемый страхом» [49, с. 80; 14, с. 144].

3. В следующем отрывке наблюдается развернутое сравнение, при котором первая его часть передана при помощи сравнения, а вторая основана на метафоре: «It was as if the slackening of the cable had been accompanied by the tightening of another. This one was round his chest». – «Канат ослаб, и в то же время он почувствовал, как затянулась другая петля. Эта петля сдавила ему грудь» [49, с. 100; 14, с. 182]. При переводе подчеркнутой фразы обнаруживается такая трансформация, как модуляция, позволяющая не только передать информацию, но и создать эмоциональный накал в тексте.

В следующих примерах наблюдается такая лексическая трансформация, как реметафоризация, при которой метафора исходного языка передана в языке перевода при помощи другой метафоры, являющейся более привычной для русскоязычного читателя:

1. «...his mind was making itself into nothing but a question: to where?» – «В голове у него безмолвно помимо его воли стоял только один вопрос: ради чего?» [49, с. 89; 14, с. 144].

2. «standing lost in his private storm» – «в душе у него бушевала буря» [14, с. 145].

3. «the woman in her storm» – «эту женщину, сотрясаемую болью» [49, с. 85; 14, с. 155].

В двух случаях нами были замечены грамматические трансформации:

1. В данном примере наблюдается замена типа предложения с простого на сложноподчиненное, состоящие из двух грамматических основ: «...he went through incredulity to a flash of terror». – «Он почувствовал сомнение, которое вскоре перешло в ужас» [49, с. 94; 14, с. 170].

2. В рассмотренном предложении в переводе происходит замена типа предложения со сложносочиненного, состоящего из двух грамматических основ, на сложноподчиненное, состоящее из главного и придаточного предложений: «...he saw the iron collar round Roger Mason's neck, and could follow the slack chain

back from it to her right hand». – «...Джослин видел на шее у Роджера железный ошейник и длинную цепь, конец которой она держала в правой руке» [49, с. 87; 14, с. 158].

В двух случаях переводчик прибегнул к комбинации лексических и грамматических трансформаций:

1. В приведенном ниже примере наблюдается конкретизация: «The cost of building material». – «Вот она, цена камня и бревен» [49, с. 58; 14, с. 143]. Абстрактные «строительные материалы» в переводе переданы более конкретно. За «ценой камня и бревен» подразумеваются не только материальные расходы, но и лишения героев комфорта на время стройки, возникновение любовного треугольника, смерть одного из служителей храма. Контраст между названными строительными материалами и трагедиями усиливает эмоциональное воздействие фразы на читателя. При переводе данного предложения также была обнаружена грамматическая трансформация, связанная с заменой типа предложения. Выбранная переводчиком синтаксическая структура также служит эмфатизации трагических событий, построенной на контрасте.

2. В следующем предложении при переводе подчеркнутых сказуемых также наблюдается прием конкретизации: «Then there was a wave of ineffable good sweetness, wave after wave, and an atonement». – «Его захлестнула волна невыразимой нежности, и волны набегали одна на другую, и с ними пришло искупление» [49, с. 111; 14, с. 202]. Выбранный переводчиком эквивалент отражает нормы русского языка, согласно которым структура, употребленная в оригинале, не может быть переведена дословно в художественном переводе. В рассмотренном фрагменте также применена грамматическая замена типа предложения. В оригинальном тексте использовано сложносочиненное предложение, состоящее из трех простых предложений, одно из которых является глагольным, а два других – номинативными. В исследуемом тексте перевода сохраняется сложносочиненный тип предложения, однако номинативные предложения трансформируются в глагольные, двусоставные.

Это связано с тем, что подобные структуры более привычны для русскоязычного читателя.

Несколько метафор были переведены буквальным способом: 1) «this dreadful heaviness round the heart». – «от этой ужасающей тяжести на сердце». [49, с. 81; 14, с. 147]; 2) «We are labour», – said the walls». – «Мы – труд», – говорили стены. [49, с. 120; 14, с. 217]; 3) «The ogival windows clasped their hands and sang: «We are prayer». – «Стрельчатые окна складывали ладони и пели: «Мы – молитва» [49, с. 120; 14, с. 217].

В одном случае буквального перевода переводчик прибегнул к калькированию, используемого при переводе объектов, связанных с именами собственными: «Jocelin madness» – «Джослиново безумство» [49, с. 101; 14, с. 190].

При переводе данного типа метафор переводчик в большинстве случаев прибегал к коммуникативному способу перевода (10 из 14). Зачастую (в 7 из 10 случаях) переводчиком были использованы лексические, а не грамматические трансформации. Причиной преобладания лексических трансформаций над грамматическими можно назвать различия привычных и понятных образов для англоязычного и русскоязычного читателя. В трех случаях переводчику, в виду данного обстоятельства, пришлось прибегнуть к реметафоризации для воссоздания эмоционального эффекта на читателя, равносильного воздействию оригинала на англоговорящую аудиторию. Грамматические трансформации были применены лишь в двух случаях самостоятельно и в двух примерах в комбинации с лексическими трансформациями, что говорит об отсутствии частой потребности грамматических преобразований при переводе генерализующих метафор. Буквальный перевод был возможен при переводе схожих в английском и русском языках грамматических и синтаксических конструкций.

Выводы по Главе 2

При переводе 15 структурных метафор переводчик прибегнул ко всем типам переводческих трансформаций: лексическим (функциональная замена, конкретизация, модуляция, перевод метафоры при помощи сравнения, добавление) в 8 случаях, грамматическим (замена типа предложения, замена члена предложения) в 3 примерах и лексико-грамматическим (антонимический перевод) в одном варианте перевода. В двух случаях переводчик применил буквальный перевод, в 12 – коммуникативный, в одном случае метафора в переводе была опущена.

При переводе 14 ориентационных метафор переводчик прибегнул к коммуникативному способу перевода в 12 случаях и к буквальному – в двух случаях. Нами были обнаружены лексические и грамматические трансформации в 7 и 2 случаях соответственно. В трёх примерах наблюдается комбинация лексических и грамматических средств.

Возникли значительные различия в использованных трансформациях при переводе собственно онтологических метафор и их подвида метафор-вместилищ. Нами были рассмотрены 13 метафор, в которых нематериальные вещи становятся материальными объектами, и 11 метафор-вместилищ. В первом случае лидирующим типом трансформаций стали лексические, грамматические замены были использованы в 3 случаях. В двух случаях переводчиком была использована комбинация лексических и грамматических трансформаций. Значительная часть метафор-вместилищ (5 из 11 рассмотренных) была опущена в переводе, вследствие отсутствия в русском языке выражений вроде «out of sight». Однако в 6 из 11 примерах переводчику удалось найти аналог при помощи таких лексических трансформаций, как функциональная замена, генерализация и конкретизация. В одном случае переводчик прибегнул к антонимическому переводу, относящемуся к лексико-грамматическим трансформациям.

При переводе 12 номинативных метафор в 9 случаях переводчик применил лексические трансформации, что связано с тем, что номинативные метафоры основаны на полисемичности слов, однако переносные значения одного и того

же слова в русском и английском языках часто не совпадают. В 7 случаях переводчик прибегнул к функциональной замене/. При переводе номинативных метафор также были использованы такие трансформации как реметафоризация, перевод при помощи эпитета и модуляция (по одному случая соответственно). В двух случаях переводчик опустил метафору, и в одном примере она была переведена буквально.

При переводе 12 образных метафор 10 были переведены коммуникативным способом, в двух примерах переводчик прибегнул к буквальному переводу. Среди трансформаций переводчиком были использованы лексические и грамматические, в 5 случаях каждые. Среди лексических трансформаций нами были обнаружены функциональная замена в трёх примерах и перевод метафоры при помощи сравнения в двух случаях. Что касается грамматических трансформаций, в четырех случаях была использована перестановка слов, в одном - замена типа предложения.

При переводе когнитивных метафор 10 из 14 были переведены коммуникативным способом, в двух случаях был использован буквальный перевод. Как лексические, так и грамматические трансформации были выявлены в пяти случаях. Среди лексических трансформаций были обнаружены такие, как функциональная замена, конкретизация, перевод при помощи сравнения, реметафоризация в двух случаях. Среди грамматических средств переводчик использовал грамматические замены в четырех случаях и перестановку в одном.

При переводе 14 генерализующих метафор 4 метафоры были переведены буквально, а 10 – коммуникативным способом. Среди лексических трансформаций были выявлены 3 примера реметафоризации, 2 случая конкретизации, 1 пример модуляции. В двух случаях переводчик прибегнул к грамматическим заменам типа предложения, в двух случаях была обнаружена комбинация лексических и грамматических трансформаций.

Заключение

В Главе 1 нами были рассмотрены различные подходы к определению метафоры от Аристотеля до современной науки, а также классификации метафор по Дж. Лакоффу и М. Джонсону и Н. Д. Арутюновой. Кроме того, нами были охарактеризованы основные лингвистические особенности метафоры, в том числе грамматические, лексические и синтаксические характеристики. Затем нами были описаны способы полного перевода по Т. А. Казаковой, а также классификация переводческих трансформаций по В. Н. Комиссарову.

В Главе 2 нами были проанализированы 105 метафор. Нами была выявлена общая тенденция перевода метафор коммуникативным способом вне зависимости от типа, к которому они принадлежат. Коммуникативным способом были переведены 83 метафоры в то время, как к буквальному способу прибегли только в 14 случаях. В 8 примерах метафоры были опущены.

Буквальный перевод метафор или их опущение вне зависимости от типа метафоры встречается довольно редко, что свидетельствует о качественной работе переводчика, стремящегося передать художественные особенности текста русскоязычному читателю.

При переводе подвида онтологических метафор, метафор – вместилищ, значительная часть рассмотренных примеров была переведена при помощи нулевого способа перевода (в 5 случаях из 11). Это связано с привычностью и популярностью конструкций типа «out of...» в английском языке и их отсутствием в русском языке.

Во всех типах метафор количество использованных лексических трансформаций преобладает над грамматическими и лексико-грамматическими. Этот факт говорит о том, что при переводе метафор в данном произведении переводчику пришлось прибегнуть к трансформации лексических единиц гораздо чаще, чем к грамматическим. Можно сделать вывод, что лексический аспект перевода метафоры является наиболее важным в романе «Шпиль».

Наиболее частотной лексической трансформацией является функциональная замена, примененная в 18 случаях. Это свидетельствует о

различии в буквальных и переносных значениях одного и того же слова в английском и русском языках.

При переводе когнитивных и генерализующих метафор чаще, чем при других типах метафор применяется реметафоризация. Это связано с тем, что когнитивные метафоры связаны с особенностями мышления, различающимися у англоговорящих и русскоязычных читателей. В связи с этим переводчику потребовалось создать новое скрытое сравнение, обладающее аналогичным оригиналу художественным эффектом.

Список литературы

1. Аксенова, Н. В., Осокина, Н. Ю. Об оценочности грамматической метафоры на основе интенционального семантического сдвига с глаголом «to feel» («внутреннее ощущение — внешние признаки») // Язык и культура в билингвальном образовательном пространстве. Материалы III междунар. науч. конф. – Псков, 2017. – С. 5–9.
2. Арбекова, Т. И. Лексикология английского языка. – Изд-во «Высшая школа». – Москва, 1977. – 240 с.
3. Аристотель, Поэтика // пер., введение и прим. Н. И. Новосадского – изд-во «ACADEMIA». – Ленинград, 1927. – 121 с.
4. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека. – Изд-во «Языки русской культуры». – Москва, 1999. – 896 с.
5. Балашова, Л. В. Динамическая концепция метафоры: от Аристотеля до современной когнитивной лингвистики / Вестник Омского ун-та. – Вып. 2. – Омск, 2015. – С. 169–177.
6. Бархударов, Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. – Москва, 2008 – 235 с.
7. Бессонова, А. Н. Использование грамматических трансформаций в процессе перевода с русского языка на английский // Дальневосточный гос-ый ун-т путей сообщения. – «Высшее образование сегодня». – Вып.10. – Хабаровск, 2015. – С. 60-64.
8. Блэк, М. Метафора // Теория метафоры. – Изд-во «Прогресс». – Москва, 1990. – с. 153-172.
9. Будаев, Э. В. Становление когнитивной теории метафоры / Уральский гос-ый пед-ий ун-т. – Лингвокультурология. – Вып. 1. – Екатеринбург, 2007. – С. 19-35.
10. Буйнова, О. Ю. Универсальные и специфические черты процесса метафоризации // Лингвистические исследования. К 75-летию профессора В.Г.Гака. – Изд-во «Феникс+». – Дубна, 2001. – С. 49-65.

11. Гак, В. Г. Типология контекстуальных языковых преобразований при переводе // Текст и перевод. – Изд-во «Наука». – Москва, 1988. – С. 63–75.
12. Галеева, Т. И., Казиахмедова, С. Х., Янова Е. А. Явление полисемии как феномен лингвистики. – «Вестник Удмуртского ун-та». – Серия «История и филология». – Том 27. – Вып. 5. – Ижевск, 2017. – С. 784-794.
13. Глазунова, О. И. Логика метафорических преобразований. // СПбГУ. – СПб, 2002. – С. 177-178.
14. Голдинг, У. Шпиль / пер. с англ. В. Хинкиса. – АСТ (Эксклюзивная классика). – Москва, 2017. – 253 с.
15. Горская, С. А. Лексика. Фразеология. Лексикография: Практикум по современному русскому языку. – Изд-во Гродненского гос-ного ун-та им. Янки Купалы. – Гродно, 2009. – 137 с.
16. Дэвидсон, Д. Что означают метафоры // Теория метафоры / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – Изд-во «Прогресс». – Москва, 1990. – 174 с.
17. Елисеева, В. В. Лексикология английского языка. – СПбГУ. – Санкт-Петербург, 2003. – 44 с.
18. Ильинская, И. С. О языковых и неязыковых стилистических средствах / Вопросы языкознания. – Вып 5. – Москва, 1954. – С. 84-89.
19. Казакова, Т. А. Практические основы перевода English-Russian. – Изд-во «Союз». – СПб, 2005. – 320 с.
20. Комиссаров, В. Н. Общая теория перевода. – Изд-во «ЧеРо». – Москва, 1999. – 136 с.
21. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение. – Изд-во «ЭТС». – Москва, 2002. – 424 с.
22. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – Изд-во «Высшая школа». – Москва, 1990. – 253 с.
23. Кочетова, М. Г. Грамматическая метафора в научных текстах как источник развития современного английского языка / Московский гос-ый ун-т им. М.В. Ломоносова – Вестник Московского ун-та. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Вып. 2. – Москва, 2021. – С. 117-125.

24. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – Изд-во «Гнозис». – Москва, 2003. – 375 с.
25. Крюкова, В. Ф. Синтаксическая функция метафор в научно-популярной литературе по лингвистике / В. Ф. Крюкова // Филология на рубеже XXI века : материалы междунар. науч. конф., Белгород, 26-27 мая 1998 г. / БелГУ, Ин-т филологии; ред.– сост. В.К. Харченко. – Белгород, 1999. – С. 46.
26. Кулемина, К. В. Основные виды переводческих трансформаций // Астраханский гос-ый технический ун-т. – «Вестник АГТУ». – Вып. 5. – Астрахань, 2007. – С. 143-146.
27. Кульчицкая, Л. В. Понятия «когнитивная» и «концептуальная» метафора в отечественной лингвистике раннекогнитивного периода» – «Вестник Бурятского гос-нного ун-та» – Вып.11. – Улан-Удэ, 2012. – с. 85-90.
28. Кушниина, Л. В. Динамика транспонирования метафоры в тексте перевода. – Вестник Удмуртского ун-та. – Т. 27. – Вып. 3. – Ижевск, 2017. – 473 – 478 с.
29. Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем // пер. с англ. Баранова, А. Н., Морозова А. В. // Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – Изд-во «Эдиториал». – Москва, 2004. – 256 с.
30. Липатова, В. В., Литвинов, А. В. Понятия эквивалентности и адекватности в преподавании перевода в высшей школе на современном этапе. – «Вестник РУДН». – серия «Лингвистика». – Вып. 4. – Москва, 2011. – С. 105-113.
31. Лясота, Ю. Л. Роль метафорических слов и выражений в развитии словарного состава языка / Гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена – Ленинград, 1955. – 17 с.
32. Мукаилова, М. Г. Типология метафоры в современной филологии / Социально-пед-ий ин-т. – Вестник соц.-пед. инс-та «Филологические науки». – Вып. 3 – Дербент, 2021. – С. 28-32.
33. Немченко, В. Н. Введение в языкознание. – изд-во «Дрофа». – Москва, 2008. – 703 с.

34. Ницше, Ф. По ту сторону добра и зла. Кн. 2. – Изд-во «СИРИН». – Москва, 1990. – 390 с.
35. Опарина, Е. О. Концептуальная метафора // Метафора в языке и тексте. – Изд-во «Наука». – Москва, 1988. – С. 65-78.
36. Павлова А. С. Оценка качества перевода. // Университет Майнц. – Майнц, Германия, 2012. – С. 18-39.
37. Полякова, Е. В. Ассоциативно-образное представление компонента «труд» в английской и русской фразеологии – «Альманах современной науки и образования». – Том. 2. – Вып. 9. – Тамбов, 2008. – С. 147-149.
38. Телия, В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и языковая картина мира. – Изд-во «Наука». – Москва, 1988. – С. 173-204.
39. Толочин, И. В. Учебник по лексикологии. – Изд-во «Антология». – Москва, 2014. – 352 с.
40. Федоров, А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) // Филологический факультет СПбГУ. – «Издательский Дом «Филология Три». – Москва, 2002. – 416 с.
41. Швейцер, А. Д. Теория перевода. – Изд-во «Наука». – Москва, 1988. – 216 с.
42. Шевчик, А. В. Образные зоонимы русского и английского языков: общность и специфика. – «Вестник Томского государственного университета». – Вып. 343. – Томск, 2011. – С. 30-33.
43. Шмелев, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. – Москва, 2008. – 280 с.
44. Чаплин, Е. В. Метафора и метонимия в сфере предиката на примере глаголов говорения / Московский гос-й пед-й ун –т. – Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». – Москва, 2019. – С. 100-105.

45. Яковенко, Т. И., Шайхалиева, А. М. Способы перевода метафор в зарубежной филологии. – Южный федеральный университет. – «Гуманитарные и социальные науки». – Вып. 4. – Ростов-на-Дону, 2021. – С. 202-208.

Источники на иностранном языке

46. Black, M. – Metaphor – Proceedings of the Aristotelian Society, New Series. – Vol. 55. – Blackwell Publishing. – Oxford, 1955. – P. 273-294.

47. Borg, E. An Expedition Abroad: Metaphor, Thought, and Reporting // Midwest Studies in Philosophy. – Vol. 25. – London, 2001. – P. 227-248.

48. Catford, J. C. A Linguistic Theory of Translation. – Longman. – London, 1965. – 103 p.

49. Golding, W. The Spire. – Faber and Faber. – London, 2012. – 144 p.

50. Kenny, D. Equivalence / M. Baker. Routledge encyclopedia of translation studies. – New-York, 2001. – P. 77–80.

51. Lakoff, G. The Contemporary Theory of Metaphor // Metaphor and Thought, edited by Andrew Ortony. – Cambridge University Press. – Cambridge, 1993. – P. 202–251.

52. Newmark, P. Approaches to Translation. – Prentice Hall International (UK) Ltd. X. – London, 1988. – 200 p.

Электронные источники

53. Лексические проблемы перевода. : [web-сайт] / Бюро переводов «Норма-ТМ». – Режим доступа: http://www.norma-tm.ru/library1_3.html, открытый (дата обращения: 10.05.2025).

54. Глоссарий переводческих терминов : [web-сайт] – Режим доступа: <https://study-english.info/translation-glossary.php>, открытый (дата обращения: 08.05.2025).

55. Советская энциклопедия В.К. Мюллера. Интернет-сервиса Academic.ru : [web-сайт] / «Центр телекоммуникаций». – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/push>, открытый (дата обращения: 06.05.2025).

56. Cambridge Dictionary Online : [web-сайт] / Oxford University Press. – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/burst-into-flames>, открытый (дата обращения: 10.05.2025).

57. Cambridge Dictionary Online : [web-сайт] / Oxford University Press. – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/grain>, открытый (дата обращения: 10.05.2025).

58. Cambridge Dictionary Online : [web-сайт] / Oxford University Press. – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/gust>, открытый (дата обращения: 10.05.2025).

59. Cambridge Dictionary Online : [web-сайт] / Oxford University Press. – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/pat>, открытый (дата обращения: 10.05.2025).

60. Cambridge Dictionary Online : [web-сайт] / Oxford University Press. – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/push>, открытый (дата обращения: 10.05.2025).

61. Cambridge Dictionary Online : [web-сайт] / Oxford University Press. – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/thatch-of-hair>, открытый (дата обращения: 10.05.2025).

62. Merriam-Webster Dictionary : [web-сайт] / Merriam-Webster, Inc. – Режим доступа: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/leaf>, открытый (дата обращения: 10.05.2025).

63. Merriam-Webster Dictionary : [web-сайт] / Merriam-Webster, Inc. – Режим доступа: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/spat>, открытый (дата обращения: 10.05.2025).